

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦА КАК ПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ, НЕ СВЯЗАННОГО С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

© 2015 Р. А. Ромашов

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

В статье рассматривается ряд основополагающих понятий уголовного права: преступление, субъект преступления и субъект уголовно-правовой ответственности за совершение преступления, социальная опасность преступления и социальная опасность лица, привлекаемого к уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений. От их переосмысления, по мнению автора, в определенной мере зависит решение проблемы дифференциации наказаний и расширения сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы.

Реформационные процессы, проходящие в современной российской системе исполнения наказаний, характеризуются неоднозначностью и противоречивостью подходов как к срокам и содержанию реформы, так и ряду ее ключевых положений. Продекларированная приверженность России к системе общечеловеческих ценностей, демократическим и гуманистическим основам обеспечения прав и свобод гражданина, вызвала неослабевающие дискуссии ученых, политиков, практических работников, в которых высказываются различные точки зрения на проблему организации и функционирования уголовно-исполнительной системы. Одним из аспектов этой проблемы является дифференциация уголовных наказаний и расширение сферы применения наказаний, альтернативных лишению свободы. По словам министра юстиции России А. Коновалова: «Пребывание за колючей проволокой более 12 месяцев часто имеет негативное и даже необратимое воздействие на дальнейшую жизнь человека, У такого человека разорваны социальные связи, он ненавидит государство, его законы и превращается либо в “волка”, либо в “собаку”»¹. Вместе с тем, вплоть до настоящего времени суды продолжают считать заключение под стражу основной правообеспечительной мерой, а лишение свободы – основным видом наказания.

Изменение такого подхода, на наш взгляд, зависит в том числе от переосмыслиния ряда основополагающих понятий уголовно-правовой доктрины, к числу которых относятся:

- формально-юридическое понимание феномена преступления и отнесение его исключительно к уголовно-правовым категориям;
- отождествление понятий «субъект преступления» и «субъект уголовно-правовой ответственности за совершение преступления»;

– отождествление понятий «социальная опасность преступления» и «социальная опасность лица, привлекаемого к уголовно-правовой ответственности за совершение преступления»;

– законодательное определение понятия и целей уголовно-правового наказания.

Понимание преступления является одной из ключевых проблем уголовного права. В настоящее время в российской юриспруденции выделяются два вида противоправных деяний: преступление и проступок. При этом за основу отнесения действия к числу преступных принят формально-юридический критерий, а именно квалификация действия в качестве преступления, даваемая уголовным законом (в свою очередь отождествляемым с действующим уголовным кодексом).

По мнению Л. И. Спирионова: «Недостатки концепции, объявляющей юридическую оценку решающим фактором превращения поступка индивида в преступление, налицо. Признание действия криминальным лишь в силу его запрещения уголовным законом означает, что авторы этого тезиса ...отрицают социальную обусловленность посягательств на общественный порядок и объективное существование преступного вне и независимо от всякого сознания, в том числе и от сознания и воли законодателя»².

Процитированное положение позволяет говорить о необходимости пересмотра дефиниции преступления, являющейся основополагающей догмой уголовного права: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное действие, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания»³.

Соглашаясь с позицией Л. И. Спирионова, считаем, что основным критерием квалификации действия в качестве преступного должна быть его общественная опасность. Если руководствоваться этой гипотезой, то представляется возможным предложить следующую дефиницию: *преступление – это общественно опасное действие, признанное противоправным действующим уголовным законом и влекущее уголовно-правовую ответственность субъекта права виновного в его совершении*.

Таким образом получается, что законодатель, определяя перечень составов и устанавливая вид и меру уголовной ответственности, предусмотренной за совершение того или иного преступления, не создает правовую норму, а лишь «открывает» ее, выделяя из совокупности других социальных норм, придавая юридическую форму и включая в текст уголовного закона (УК).

Развитие и совершенствование общественных отношений неминуемо влечет совершенствование «криминальной культуры», что в свою очередь обуславливает необходимость переосмысления критериев юридической (законодательной) оценки общественной опасности деяний,

квалифицируемых законодателем как преступные, а также общественной опасности лиц, преступные деяния совершающих. Одним из таких критериев является субъектный состав преступного деяния (не путать с субъективной стороной состава преступления).

Как это ни парадоксально, но в действующем УК России отсутствует дефиниция *субъекта преступления*. Глава 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» содержит характеристику уголовно-правовой дееспособности индивидуальных субъектов. Глава 7 «Соучастие в преступлении» содержит определение понятия соучастия в преступлении как «умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Вместе с тем законодательного определения участника (субъекта) преступления Кодекс не дает.

Анализ содержания категории «субъект преступления» позволяет разграничивать две относительно самостоятельные субстанции – «субъект совершения преступления» и «субъект уголовно-правовой ответственности за преступление». Настаиваем на том, что субъект совершения преступления и субъект уголовно-правовой ответственности – это разные по смыслу категории, объединение которых в одной формальной конструкции «субъекта преступления» носит эклектический характер и серьезным образом как осложняет юридическую квалификацию преступлений, так и снижает эффективность уголовно-процессуальных отношений, направленных на установление виновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, а также определение вида и меры ответственности за них.

Отождествление субъекта преступления и субъекта уголовно-правовой ответственности влечет смешение понятий «социальная (общественная) опасность преступления» и «социальная опасность лица, осужденного за совершение преступления». Безусловно, любое преступление характеризуется социальной опасностью. Однако степень общественной опасности преступления выступает не как уголовно-правовая, а как криминологическая характеристика, унифицированная методика расчета которой не может быть выведена, поскольку зависит от различных объективных и субъективных факторов. В частности, за одно и то же преступление УК России предусматривает «нижний и верхний пределы» наказания, отличающиеся друг от друга более чем в два раза. К примеру, за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах (п. 2 ст. 105) УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни. В то же время государственная измена (ст. 275) предполагает наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. Получается, что по социальной опасности законодатель практически уравнял названные преступления. Рас-

смотрим социальную опасность лиц, обвиняемых в их совершении. Можно ли говорить об одинаковой степени общественной опасности многодетной матери Светланы Давыдовой, обвиняемой в госизмене⁴, и Игоря Елизарова, с детства проявлявшего маниакальные наклонности и осужденного на 15 лет за совершение трех убийств и 17 покушений⁵. Полагаем, что в настоящее время проблема выработки методики оценки социальной опасности личности обвиняемого приобретает особое значение в процессе определения вида наказания и режима его отбывания.

Проблема определения степени социальной опасности субъекта уголовно-правовой ответственности, в свою очередь, актуализирует проблему определения целей уголовного наказания.

В действующем УК РФ говорится о том, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости... исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (п. 2 ст. 43).

Таким образом, законодатель выделяет три основные цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Считаем, что формулировки перечисленных целевых установок носят весьма неоднозначный характер и допускают достаточно серьезные расхождения в интерпретациях.

По мнению большинства представителей уголовно-правовой науки, восстановление социальной справедливости есть не иное, как применение к осужденному наказания, негативные последствия которого адекватны причиненному совершенным преступным деянием вреду. Иными словами восстановление социальной справедливости есть не иное, как модернизация и своего рода «ребрейдинг» архаичного принципа талиона – «равным за равное».

Если следовать такой логике, то социальная справедливость сводится к общественному осуждению факта противоправного деяния, проецируемому на личность правонарушителя. При этом ничего не говорится о восстановлении прав потерпевшего. Назвать такое отношение достижением социальной справедливости, на наш взгляд, нельзя.

Закрепление в качестве общей цели наказания исправления осужденного также вызывает достаточно серьезные сомнения. Можно ли говорить о фактическом исправлении в отношении всех или хотя бы большинства лиц, осужденных за совершение тяжких, особо тяжких и систематических преступлений. Считаем, что нет. Мы согласны с позицией министра юстиции А. Коновалова, в соответствии с которой в среде осужденных значительную часть составляет «определенный контингент, который никогда не захочет жить честной порядочной зако-

непослушной жизнью, вновь интегрироваться в общество. В отношении этих людей государство обязано обеспечить соблюдение их гражданских прав с учетом тех ограничений, которые на них наложены, а также их изоляцию от тех, кто еще не потерял желания вернуться к нормальной жизни в обществе»⁶. Таким образом, исправление осужденных рассматривается лишь как вариативная целевая установка наказания.

Говоря о профилактической функции наказания и обусловленной этой функцией цели «предупреждения совершения новых преступлений», необходимо, прежде всего, уточнить, в отношении какой категории лиц реализуется данная целевая установка. В истории множество свидетельств того, что негативный опыт понесенного наказания не препятствовал совершению новых правонарушений как самим осужденным, так и теми, кто должен был воспринять чужое наказание в качестве предупреждения для себя.

На наш взгляд, к основным целям наказания следует отнести две:

- кару, представляющую собой исходящее от государства принудительное ограничение правового статуса субъекта;
- искупление вины, означающее примирение общества с лицом, в отношении которого наказание исполнено.

Если же говорить о категории лиц, представляющих существенную общественную опасность, то дополнительной целью наказания является их изоляция от общества. При этом, учитывая то, что большинство этих лиц являются носителями перерожденного правосознания, не имеет смысла говорить об их воспитании (перевоспитании). Лица, склонные к рецидивной преступности, не воспринимают сам факт наказания как что-то экстраординарное и, отбывая наказание, не стремятся к исправлению (ресоциализации). В отношении этой категории осужденных, наказание используется в качестве средства их временной изоляции от общества, для которого они представляют реальную угрозу.

От уголовно-правовой доктрины перейдем к уголовно-исполнительской системе.

Существующая в современном мире система уголовно-правовых наказаний представлена тремя основными категориями: наказаниями не связанными с лишением свободы, наказаниями в виде лишения свободы, высшей мерой наказания – смертной казнью. Дифференциация наказаний осуществляется по критерию определения их социальной опасности. Не оспаривая этот подход, вместе с тем следует обратить внимание на его односторонность. Не вызывает сомнений то, что наказанию подлежит не преступление, а человек, его совершивший. При этом в зависимости от степени социальной опасности лица, выступаю-

щего в качестве субъекта уголовно-правовой ответственности, должны варьироваться цели наказания. Для лиц, признанных социально опасными, цели наказания включают кару и социальную изоляцию. Понимая функциональную ограниченность исправительных средств воздействия на лиц, в поведении которых отчетливо выражены асоциальные тенденции, следует основное внимание во взаимодействии с ними обращать на обеспечении безопасности сотрудников УИС, а также на профилактику и своевременное пресечение противоправных поступков. По отношению к категории социально опасных лиц учреждения и сотрудники УИС выполняют главную задачу: не допускают совершения этими лицами новых преступлений по отношению к законопослушному обществу. К числу социально опасных лиц следует отнести, прежде всего, осужденных за насильственные преступления против жизни, здоровья, собственности, а также за совершение преступлений экстремистского и террористического характера. Кроме того, к числу социально опасных относятся лица с неустойчивой психикой, алкогольной и наркотической зависимостью. Перечисленные категории представляют собой явную угрозу для урегулированных при помощи правовых норм общественных отношений независимо от социальной среды своего нахождения. Эти люди – источник негативных проблем как на свободе, так и в местах социальной изоляции.

Наряду с социально опасными субъектами к уголовной ответственности привлекаются лица, непосредственной опасности для общества не представляющие. Уже упоминаемая ранее Светлана Давыдова обвиняется в совершении преступления особой тяжести. Вместе с тем вряд ли у кого-то возникают сомнения в том, что для общества эта женщина, являющаяся матерью семерых детей и положительно характеризующаяся, никакой опасности не представляет. Точно так же очевидно, что применение к ней наказания в виде лишения свободы не будет способствовать ни восстановлению социальной справедливости, ни исправлению (если не считать исправлением социально-правовую деформацию, которая неминуемо наступит при применении к Давыдовской наказания в виде лишения свободы). Однако судья, руководствующийся в своей деятельности уголовным законом, не сможет назначить обвиняемой в государственной измене иного наказания, кроме того, которое закреплено в УК. Напомним, что минимальная санкция, предусмотренная ст. 275, – двенадцать лет лишения свободы, то есть на четыре года больше, чем за убийство при отягчающих обстоятельствах. Абсурдность ситуации очевидна, точно так же, как очевидна невозможность повлиять на нее при помощи юридических средств. Ведь формально поступок Давыдовой обладает признаками состава

преступления, предусмотренного ст. 275 УК «Государственная измена». Полагаем, что пришло время на законодательном уровне разграничить понятия «социальная опасность преступления» и «социальная опасность субъекта уголовно-правовой ответственности, а также субъекта, отбывающего наказание».

Квалификацию социальной опасности субъекта уголовно-правовой ответственности должен осуществлять суд на основании соответствующей доказательственной базы (характеристик с места работы и жительства, наличия более ранних судимостей, свидетельских показаний и др.). Суд, рассмотрев представленные доказательства, принимает решение, можно ли считать лицо социально безопасным либо следует рассматривать его в качестве социально опасного. Признание лица социально опасным следует рассматривать в качестве основания выбора (при наличии альтернативы) наказания в виде лишения свободы, а также может рассматриваться в качестве отягчающего обстоятельства при определении срока лишения свободы. Соответственно, судом принятие решения о том, что подсудимого можно считать социально безопасным, является правовым основанием для выбора наказания, не связанного с лишением свободы, либо назначением наказания ниже нижнего предела.

Подобная практика назначения наказаний сложилась в США, где основной задачей УИС считается ограждение общества от социально опасных лиц, вследствие чего «тюремное население» США самое большое в мире. Правительство сознательно идет на расходы по содержанию лиц, представляющих угрозу для общества, в местах социальной изоляции, осознавая, что после их выхода на свободу они, скорее всего, вернутся к асоциальному образу жизни и продолжат криминальную деятельность. Поэтому жесткий режим отбывания наказания сочетается в Америке с длительными сроками заключения, что, конечно, не решает проблему преступности как таковой, но, по крайней мере, позволяет контролировать и ограничивать криминальную активность. Лица, совершившие преступления небольшой тяжести и не представляющие повышенной социальной опасности, остаются на свободе и отбывают наказание в системе probation. В результате, несмотря на увеличивающееся число осужденных как в местах лишения свободы, так и в системе probation, общий уровень насилия уголовной преступности в США имеет тенденцию к снижению, а ведь такая динамика есть основная цель правоохранительной деятельности государства. Полагаем, что позитивный опыт в сфере дифференциации наказаний в зависимости от степени социальной опасности субъектов уголовно-правовой ответственности может быть востребован отечественной судебной и пенитенциарной практикой.

---

¹ Коновалов А. В. Система исполнения наказаний России вернулась к 90-м гг. // http://www.zakonia.ru/news/72/60_424.

² Спиридовон Л. И. Социология уголовного права // Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права им. Принца П. Г. Олденбургского, 2002. – С. 232–233.

³ УК РФ. Ч. 1. Ст. 14.

⁴ См.: Докатилась до госизмены // http://www.gazeta.ru/politics/2015/01/29_a_6392257.shtml.

⁵ См.: Серийные убийцы. Русские. Игорь Елизаров // <http://mankill.ru/?id=1&n=23>

⁶ Цит. по ст.: Куликов В., Махровский В. Прощание с ГУЛАГом // <http://rg.ru/2010/12/03/prison.html>.

УСТРАНЕНИЕ СОМНЕНИЙ И НЕЯСНОСТЕЙ В ПРИГОВОРЕ (ОПРЕДЕЛЕНИИ, ПОСТАНОВЛЕНИИ), ПОСТУПИВШЕМ НА ИСПОЛНЕНИЕ В УИИ

© 2015 А. А. Рукавишникова

кандидат юридических наук, доцент

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России

Статья посвящена рассмотрению процессуального порядка обращения сотрудников уголовно-исполнительной инспекции в суд с разрешением вопроса об устранении сомнений и неясностей в приговоре (постановлении, определении) в целях устранения препятствий для исполнения последнего. Исследованы понятие и виды сомнений и неясностей в приговоре (постановлении, определении) суда.

Любой судебный акт, поступающий на исполнение в уголовно-исполнительную инспекцию (приговор, постановление, определение), должен быть законным, обоснованным и справедливым. Если представитель уголовно-исполнительной инспекции обнаруживает при поступлении судебного акта, вступившего в законную силу, признаки незаконности, необоснованности и несправедливости, лишающие возможности судебных решений выступить адекватным и правосудным регулятором общественных отношений, он вправе обратиться в прокуратуру с указанием на то, что поступил на исполнение неправосудный судебный акт (так как органы и учреждения, исполняющие наказание, не обладают правом самостоятельного апелляционного, кассационного обжалования в соответствии со ст.ст. 389.1, 401.2 УПК РФ).

Но бывают ситуации, когда на исполнение уголовно-исполнительных инспекций поступают судебные акты, которые содержат так называемые «ошибки» другого характера, но также, препятствующие эффективному исполнению судебных решений. Такими